

ВОССТАНИЕ АНИКЕТА

А. И. Болтунова (Амиранашвили)

В «Истории» Тацита среди изложения событий, происшедших после смерти Нерона, имеется следующий рассказ (III, 47—48) о движении в Понте, возглавленном неким Аникетом.

47. И другие племена не оставались в бездействии¹. В Понте внезапно поднял оружие варвар-раб Аникет, вольноотпущенник царя Полемона, некогда пользовавшийся большим влиянием; когда Понтийское царство превратилось в римскую провинцию, он был не в силах примириться с происшедшей переменой. Итак, привлекиши именем Вителлия на свою сторону племена, живущие у Понта, и соблазнив бедноту надеждой на грабеж, Аникет во главе весьма значительной шайки внезапно ворвался в Трапезунт—город, основанный, согласно древнему преданию, греками в самом конце Понтийского побережья. Там Аникет вырезал когорту, бывшую до тех пор царским вспомогательным отрядом; после того как солдаты ее приобрели права римского гражданства, они имели римское оружие и знамена нашего образца, праздность же и своеволие продолжали сохранять греческие. Аникет поджег также и флот, издеваясь над римлянами в опустевшем море, так как Муциан еще раньше увел наилучшие либурнские суда со всем войском в Византий; поэтому варвары надменно разъезжали, наскоро сколотив ладьи. Они называют их «камарами»; это были суда с узкими бортами и широким кузовом, сколоченным без применения скреп из меди или железа. Когда море бывает бурное, то, в зависимости от того, насколько высоко поднимается волна, увеличивают борты судов досками, пока они не замкнутся, наподобие крыши. Так «камары» катятся среди волн, имея носы с обоих концов и весла, которые могут менять направление, так как «камары» могут безопасно причаливать и той и другой стороной.

48. Это происшествие побудило Веспасиана отправить вексиллариев из легионов под командой Вирдия Гемина, мужа испытанного в военном деле. Напав на врага, рассеявшегося в беспорядке и увлекаемого жадной добычи, Гемин загнал Аникета на корабли. Построив затем наскоро либурнские суда, он загнал Аникета в устье реки Хоба, где тот считал себя в безопасности, пользуясь поддержкой царя седохезов, которого он склонил к союзу деньгами и дарами. Царь сначала защищал Аникета, просившего о помощи, и угрожал Гемину оружием. Но после того как ему были предложены либо награда за выдачу Аникета, либо война, царь, отличавшийся

¹ В предыдущих главах Тацит рассказывает о движении среди бритtanцев, о волнении среди германцев и даков.

ненадежной, как это свойственно варварам, верностью, согласился погубить Аникета и выдал перебежчиков. Так был положен конец войне рабов. В то время как Веспасиан радовался этой победе, причем всё шло лучше, чем он ожидал, его настигла в Египте весть о сражении под Кремоной... и т. д.»

Изложенные Тацитом события, как можно судить по общему контексту, произошли осенью 69 г. Вытекающая из этого изложения последовательность событий рисуется следующим образом: 1 июля Веспасиан был провозглашен императором в Александрии. 3 июля ему присягнула армия в Иудее (Hist., II, 79). До 15 июля к Веспасиану присоединилась вся Сирия и восточные провинции империи (Hist., II, 81). Вскоре после этого Муциан выступил в поход и принял меры для подготовки действий против Вителлия (Hist., II, 82). В числе этих мероприятий упоминается и переброска понтийского военного флота в Византий (Hist., II, 83), повидимому, в конце июля или в первой половине августа. Вторжение Аникета и предводительствуемых им разбойников в Трапезунт произошло вскоре после ухода флота, т. е. в середине или во второй половине августа; в приведенном рассказе Тацита сообщается, что флот был уведен из Трапезунта до начала восстания и что это дало возможность восставшим беспрепятственно хозяйничать на море. Следует также учесть, что между началом восстания и его подавлением должен был пройти достаточный промежуток времени—не менее двух месяцев, так как после разграбления Трапезунта и сожжения остатков флота повстанцы еще занимались морским грабежом, а после прибытия римского отряда и очищения города началась постройка эскадры либурнских судов. Очевидно, повстанцы были полностью ликвидированы в устьях Хоба незадолго до битвы под Кремоной, так как известие о ней дошло до Веспасиана вскоре после подавления восстания в Понте, а сражение под Кремоной произошло, согласно новым исследованиям¹, в конце октября; следовательно, гибель Аникета следует отнести, примерно, к середине октября.

Тацит называет Аникета вольноотпущенником последнего понтийского царя Полемона, говорит, что раньше он был начальником царского флота. В других источниках нет упоминаний об Аникете. Хотя он и назывался греческим именем, происхождения он не греческого (*barbarum manscipium*); он принадлежал, очевидно, к какому-то племени, обитавшему на черноморском побережье.

Известно также и другое лицо, носившее то же имя («Непобедимый»). Это был вольноотпущенник, префект Мизенского флота, воспитатель Нерона (Т а с.—Ann. XIV, 3, 62; Suet.—Nero, 35; Dio LXI, 13). Таким образом, имя «Аникет», повидимому, давалось варварам-рабам и вольноотпущенникам, занимавшим командные посты в армии или во флоте.

Каковы были причины, побудившие бывшего начальника царского флота поднять восстание?

Тацит говорит об этом очень глухо, связывая выступление Аникета с превращением Понта в римскую провинцию. Аникет, повидимому, решил воспользоваться благоприятными обстоятельствами, созданными тревожной обстановкой, отсутствием надлежащей военной охраны Причерноморья в связи с переброской римского военного флота в Византий и беспечностью гарнизона Трапезунта (Т а с.—Hist., III, 47). Далее из рассказа Тацита следует, что участниками восстания были варварские племена, хотя состав восставших и не был однородным: *adscitis gentibus quae Pontum adcolunt corrupto in spem rapinarum egentissimo quoque...*. С одной

¹ E. von Nische—Die Schlacht bei Cremona. Klio, B. XX. S. 200.

стороны, в числе примкнувших к Аникету были «живущие близ Понта» племена, с другой—«всякая беднота», привлеченная падеждой на грабеж.

Тацит, несомненно, имел в виду, главным образом, живущие близ Понта племена. В сочинениях древних писателей мы находим перечисление этих племен и сведения об их взаимоотношениях с обитателями греческих колоний, и в том числе с Трапезунтом и с римлянами¹. Сведения эти базируются в значительной степени на литературной традиции, восходящей к древним периплам и перизгесам, примыкающим, в свою очередь, к циклу сочинений ионийских логографов. Однако эти писатели жили и писали в эпоху, близкую к интересующим нас событиям, и, помимо сведений, почерпнутых из литературной традиции, в их сочинениях, главным образом, в *Naturalis Historia* Плиния Старшего, отражены вполне реальные черты современного авторам состояния и расселения племен.

Древние писатели называют следующие племена, перечисляя их по направлению с запада к востоку: халибы² (χάλυβες = Chalybes—Плиний, Мела, Валерий Флакк), тибарены (Tibareni = Tabereni—Плиний, Мела, Валерий Флакк), моссины (Massyni = Mossyni—Плиний, Мела, Валерий Флакк), макрокефалы (Macrocephali—Плиний, Мела), вехиры (Bechiri = Béchires—Плиний, Мела), соседившие с визирами (Byzeres—Валерий Флакк), буксеры (Buxeri—Плиний, Мела). Кроме того, в списке племен, данном Плинием, значатся также махороны (Machorones) и сидоны (Sidoni). Из них первые соответствовали, повидимому, макронам (Macrones) Валерия Флакка и макрокефалам, т. е. прежние макроны (они же санны—Σάννοι—в более позднее время) дважды повторены под различными названиями. За Трапезунтом, по свидетельству Плиния, живут армено-халибы, и далее лежит Великая Армения (P l i n.—N.H., VI, 11).

В своем описании юго-восточного побережья Черного моря Плиний ограничивается простым перечислением географических и племенных названий. Помпоний Мела повторяет, в общем, сведения своих литературных предшественников, прямо или косвенно восходящие к Ксенофону и Диодору и ставшие общими местами. Он останавливается на грубости нравов моссиников и опасности их побережья для моряков. Макрокефалы, вехиры и буксеры, по его словам, отличаются меньшей дикостью нравов. Что же касается локализации этих племен на побережье, то в этом вопросе показания Плиния и Мелы расходятся. Так, по словам Плиния (N.H. VI, 11), халибы жили в окрестностях Котиоры, за рекою Фермондом, а по сведениям Мелы (I, 105)—в ближайшем соседстве с пафлагонцами, в окрестностях Амиса и Синопы. В локализации халибов предпочтение следует отдать Плинию, так как его свидетельство, опирающееся, повидимому, на более надежный источник или проверенное показаниями лиц, посещавших эти места, согласуется с показаниями Страбона. Указания Плиния и Мелы относительно местности, занимаемой макрокефалами, в общем, сходятся: Мела (I, 107) указывает, что в местности макрокефалов, вехиров и буксеров города встречаются редко и самые известные из них—Керасунт и Трапезунт; Плиний также помещает Керасунт между племенами макрокефалов и вехиров с буксерами. Что касается махоронов (Machorones), дублирующих макронов или макрокефалов и, следовательно, попавших в список племен по недоразумению, то Плиний отводит им место

¹ Из сочинений древних писателей, сообщающих сведения о населении данного района, следует прежде всего воспользоваться свидетельствами Страбона (XII, 3, 18—19), Плиния (N. H., VI, 11), Помпония Мелы (I, 106), а также Валерия Флакка (Argon., IV, 611 и V, 141); последний в своей поэме вплетает в широкую поэтическую картину интересный этнографический материал.

² Σαπνάρυ γένος, упоминаемое Плинием одновременно с халибами, было, повидимому, одним из племенных подразделений халибов.

между Фемискирой и Полемонием, где-то в непосредственной близости с халибами.

В отличие от Плиния и Помпония Мелы, ограничивающихся лишь перечислением племен юго-восточного Причерноморья, Страбон дает очень полную и детальную картину их жизни, а также и сведения об их политическом положении и взаимоотношениях с греческими колонистами и римлянами. Его описания, хотя они и относятся ко времени более раннему, могут быть использованы и в данном случае, так как многие из деталей, им даваемых, несомненно сохранились и во второй половине I в. н. э. Из племен, обитавших в его время близ Трапезунта и Фарнакии, он перечисляет в общем те же, которые называют и Плиний с Мелой; однако Плиний и Мела дают названия племен, почерпнутые из древней литературной традиции и звучавшие уже иначе в начале I в. н. э.

В перечислении Страбона (XII, 3, 18—19) это тибарены (Τιβάρωνοι), халдеи, бывшие халибы (χαλδαῖοι χάλυβες τὸ παλαιὸν ὠνομάζοντο) и санны, называвшиеся прежде макронами (Σάννοι οὗς πρότερον ἐκάλεον Μάκρωνες). Все они живут в горах над Трапезунтом и Фарнакией, а за их страной лежит Малая Армения. В приморской полосе страны халибов-халдеев лежит город Фарнакия, обязанный своим благосостоянием разработке рудников (халибы славились с древнейших времен как металлурги) и рыбным промыслом (ловля пелагид). «Вообще в этих местах морской берег очень узок. Над морем сразу поднимаются горы, изобилующие рудниками и лесами, а возделываются лишь немногие места. Средства к жизни рудокопам доставляют рудники, а поморянам—ловля рыбы, в особенности тунцов и дельфинов» (Strab.—XII, 3, 19). С халибами-халдеями к востоку соседнили аппаиты, бывшие керкиты (Ἀππαῖται от πρότερον Κερκίται).

Выше в горах, на высотах Скидиса и Париадра, среди густых лесов жили превосходящие все остальные племена своей дикостью гептакометы, прежние моссиники (Ἑπταχωρίται). Они вели примитивный образ жизни, питаясь дичью и лесными орехами, и отличались большой воинственностью, нападая на путешественников с целью грабежа и захвата пленников для продажи в рабство. Когда через их страну проходили войска Помпея, гептакометы истребили три отряда, предварительно одурманив их медом, расставленным в сосудах по дороге (Strabo XII, 3, 18, ср. Xenoph.—Anab., IV, 8, 20 сл. и Dio d. XIV, 30).

Визирь, по словам Страбона, представляют одно из племен гептакометов¹.

Сведения о разбойничьем образе жизни гептакометов указывают, что между населением приморских колоний и обитателями гор к I в. н. э. не только не установились связи, но самая разобщенность их приобрела враждебный характер: горцы не упускали случая грабить и захватывать в плен проезжавших, чтобы продать пленников в рабство или вернуть им свободу за выкуп. Эту черту горцев юго-восточного Причерноморья

¹ Ни Μοσσόνικοι ни Ἑπταχωρίται нельзя считать племенными названиями горцев, населявших горные массивы Скидиса и Париадра, так как, насколько известно, моссиниками их называли эллины, производя название Μοσσόνικοι от названия их жилищ—«моссин». Название Ἑπταχωρίται, как это видно из прозрачной этимологии («жители семи поселков»), им было присвоено как группе отличавшихся особой дикостью племен, очевидно семи, в состав которых могли входить и визирь, вехиры, буксеры и, может быть, также зидриты, часть племен халибов, санны и др. То же самое можно сказать и о халибах, о которых упоминает ряд авторов (указания см. у Ruge—RE, III, 2099 сл.). Помещая их на южном берегу Черного моря, авторы дают разноречивые сведения о месте их жительства и ничего не сообщают об их быте и промыслах. Разноречивость сведений надо приписать тому, что (как правильно указал Müller—Geogr. Gr. Min., в объяснении к Скилаку, 88) халибами назывались все племена, которые жили в местностях, богатых железной рудой, на северном берегу Малой Азии, и занимались ее обработкой.

следует рассматривать в тесной связи с развитием пиратства, процветавшего уже во II в. до н. э. в Малой Азии. Борьба с ним причинила немало забот римскому правительству во II—I вв. до н. э., но оно не было изжито, как мы видим, и в I в. н. э.

О разбойниках, хозяйничавших на Черном море, Страбон говорит в другом месте более подробно. Он описывает образ жизни ахейцев, зигов и энихов, живших на побережье между Синдикой и Колхидой. В этих местах, как и близ Трапезунта и Фарнакии, морской берег чрезвычайно узок, и над морем сразу поднимаются горы. Это описание настолько подробно и ясно, что его полезно привести полностью:

«За Синдику и Горгиппией идет вдоль моря побережье ахейцев, зигов и энихов, по большей части, не имеющее гаваней и гористое, так как оно составляет часть Кавказа. Обитатели его живут морским разбоем, для чего имеют небольшие узкие и легкие ладьи, вмещающие около 25 человек и редко могущие принять 30; эллины называют их «камарами»... Выходя в море на своих «камарах» и нападая то на грузовые суда, то на какую-нибудь местность или даже город, они господствуют на море. Случается, что им содействуют владетели Боспора, предоставляя им стоянки, рынок и сбыт награбленного. Возвращаясь в родные места, они, за неимением стоянок, взваливают свои «камары» на плечи и уносят их в лесные чащи, в которых они живут, обрабатывая скудную почву, а когда наступает удобное время для плавания, они снова сносят «камары» на берег. Так же поступают они и в чужой стране, где находятся знакомые им лесистые местности: скрыв в них «камары», они сами бродят пешком днем и ночью с целью захвата людей в рабство; то, что удастся им захватить, они охотно возвращают за выкуп, извещая по отплытии потерпевших» (Strab. XI, 2, 12).

Рассказ Страбона во многих деталях совпадает с картиной, нарисованной Тацитом при изложении обстоятельств восстания Аникета: те же полудикие обитатели прибрежной гористой полосы, издавна привыкшие к разбою, нападающие на своих легких подвижных лодках, «камарах», на грузовые корабли и даже на города, как это имело место в истории с разграблением Трапезунта. Среди обитателей приморских горных местностей наблюдалось большое разнообразие племен, которые слабо общались между собой в силу природных условий их страны, способствовавших обособленности. Хозяйство их было примитивно: занимались они, главным образом, охотой и отчасти скотоводством, питались дикими плодами. Земледелие у них слабо прививалось и медленно прогрессировало вследствие почти полного отсутствия пригодной для обработки земли. Жители колоний, нуждавшиеся в рабской силе для развития хозяйства, получали это пополнение за счет местных варварских племен, захватывая при случае пленников или покупая их у самих же варваров. С другой стороны, близость моря создавала возможность нападения на грузовые корабли; торговые корабли и слабо защищенные населенные пункты также составляли приманку для варваров, отвечавших на порабощение своих сородичей разбоем. Среди этих племен призыв Аникета должен был найти сочувственный отклик, и Аникет легко мог вербовать себе здесь приверженцев. Привыкшие к разбою горцы рассчитывали разграбить такой большой и богатый город, как Трапезунт, вторгнуться, быть может, и в другие эллинские города и похозяйничать на море.

Здесь необходимо коснуться одной любопытной этнографической детали «камар», на которых пираты разъезжали по морю. Известно, что пираты в древности редко пользовались большими тяжелыми судами—биремами и триремами, предпочитая им небольшие быстроходные лодки, на которых легко можно было преследовать большие корабли, спастись

от погони; кроме того, эти легкие ладьи не требовали гавани, и их прятали в лесу, унося на плечах. Употребление лодок *карара* нигде кроме Черного моря не известно. Само по себе слово *карара* (латинское *camera*) служило в древности одним из терминов, которым обозначали свод, арку, сводчатые сооружения. Уже в древности это слово считалось не греческим (Assman, RE, III, 2414). Из указаний Тацита и Страбона видно, как широко было распространено употребление лодок, *карара* на Черном море. Ими пользовались жители восточного и южного побережий за исключением, может быть, низменных частей побережья, где было больше городов и населенных пунктов, где шла более интенсивная хозяйственная жизнь, где были удобные стоянки для крупных торговых кораблей¹.

Использование Тацитом термина *самага* в применении к участникам восстания Аникета говорит о том, что здесь мы имеем дело прежде всего с восстанием местного варварского населения. Это следует из слов Тацита: *adscitis gentibus quae Pontum adcolunt*; но вслед за упоминанием о живших близ Черного моря племенах Тацит добавляет: *corrupto in spem rapinarum egentissimo quoque*. Кого имеет в виду Тацит под словом *egentissimo quoque*, он не поясняет; понять же это по контексту можно двояко: с одной стороны, как развитие и пояснение к словам *adscitis gentibus quae Pontum adcolunt*, и тогда это — беднота, которую прельстила перспектива грабежа. Сюда входят обитавшие близ Понта племена, живущие своим убогим хозяйством и всегда готовые к грабежам и набегам. С другой стороны, можно понять, что к Аникету примкнули, кроме местных племен, еще какие-то бедняки, может быть, различные деклассированные элементы городского населения — бродяги, дезертиры, бедный ремесленный люд, разорившиеся торговые люди и просто неудачники, не нашедшие себе определенного места в связи с превращением царства Полемона в римскую провинцию.

Тацит называет всё движение Аникета «рабской войной»; это выражение, очевидно, следует отнести за счет рабского и негреческого происхождения вождя движения, но вероятно также и то, что в движении Аникета участвовали и беглые рабы из числа тех же поработанных варваров. Количество восставших было достаточно велико (*haud temnendae manus ductor*). Тот факт, что Веспасиан обратил такое серьезное внимание на это событие, также говорит о значительных размерах движения и о бедах, причиненных им мирному зажиточному населению города и прилегающего побережья. Веспасиан, несомненно, учитывал и неблагоприятное для него политическое значение движения Аникета, лозунгом которого было имя его политического противника Вителлия. Ему также приходилось считаться и с тем, что движение это могло внести серьезную деморализацию и дезорганизацию в войска восточных провинций, где он чувствовал себя полным хозяином. Эти провинции являлись базой для развертывания его дальнейших мероприятий против Вителлия, о поражении которого под Кремоной он в то время еще не знал. Нельзя было пренебрегать и тем обстоятельством, что в случае присоединения к движению Аникета остальных племен, обитавших по южному и восточному побережью Черного моря, а также живших в глубине страны мосхов, соанов и др., движение это приняло бы явно угрожающие Веспасиану размеры. В экономическом отношении движение Аникета также наносило тяжелый ущерб, так как в это время как раз с особым напряжением изыскивались и мобилизовались в восточных провинциях материальные средства для финансирования

¹ Техника изготовления камар очень примитивна. Для постройки их, по свидетельству Тацита, не пользовались никакими металлическими скреплениями. К сожалению, никаких более определенных указаний мы не имеем.

войны против Вителлия (Т а с.—Hist., II, 84). Всё это отлично понимал Веспасиан, которому подавление движения рисовалось делом далеко не легким. Он явно опасался, что борьба с восставшими может принять затяжной и упорный характер. На это прямо указывают слова Тацита (Hist., III, 48), что Веспасиан «радовался этой победе» и что «всё шло лучше, чем ожидалось».

Размера отряда, посланного в Трапезунт для наведения порядка, Тацит не указывает, но из сообщения его видно, что отряд состоял из самой отборной и высококвалифицированной части легионов, вексилляриев, специально отобранных для экспедиции, во главе которой был поставлен опытный, зарекомендовавший себя полководец.

Между тем, Аникет или не ожидал, что Веспасиан будет реагировать так быстро и энергично, или не чувствовал себя в состоянии руководить поднятым движением, которое приняло стихийный характер и свелось исключительно к беспорядочной погоне за добычей. Неожиданным нападением Вирдий Гемин очистил Трапезунт и береговую полосу, заставив повстанцев сесть на их легкие суда. Из-за отсутствия военного флота он дал им возможность чувствовать себя еще некоторое время в безопасности и хозяйничать на море. Но это продолжалось недолго. Наскоро были построены либурнские суда (строительный лес эти страны давали в изобилии), после чего предпринято было преследование повстанцев на море. Аникет не чувствовал себя чужим среди многочисленных живущих по побережью племен, разделявших образ жизни и ремесло его соратников. Он воспользовался гостеприимством вождя («царя»—гех), племени седохезов¹. Это гостеприимство было куплено ценой уступки вождю всей или значительной части награбленной добычи. Но и это оказалось ненадежным, когда царю седохезов пришлось выбирать между необходимостью померяться силами с значительным отрядом хорошо вооруженного римского регулярного войска, прибывшего на больших военных кораблях, и изменой, за которую предлагалась награда. Так погиб Аникет, а с его гибелью и движение, поднятое им. Эта победа окончательно обеспечивала Веспасиану тыл и развязывала ему руки для похода на Италию.

Так в общих чертах рисуется ход событий, разыгравшихся осенью 69 г. н. э. в Понте. Теперь следует обратиться к их историческим предпосылкам и к конкретной социально-экономической обстановке, в которой эти события произошли.

Обосновавшиеся на берегах Черного моря греческие колонисты, принесли с собой и свои формы хозяйства, базирующегося на эксплуатации рабского труда. Эту рабскую силу греки получали за счет местного населения, за счет прямого порабощения варваров или путем покупки пленников, захваченных во время межплеменных столкновений у самих же варваров. Кроме того, греческие колонии Причерноморья издавна являлись рынками рабов, и уже Полибий указывает, что лежащие по берегам Понта страны, откуда вывозились скот, воск, соленая рыба, доставляют «огромное количество бесспорно отличнейших рабов» (Polyb. IV, 38, 4). Туземные племенные вожди и старейшины неизбежно втягивались в работорговлю; они получали возможность продавать купцам-работорговцам пленников, а также и рабов из числа порабощенных соплеменников. По мере развития эксплуатации местного населения—как экономической, в виде товарообмена, так и прямого порабощения,—следует предполагать и рост пассивного и активного сопротивления местного населения

¹ Племя это из других источников неизвестно. Оно обитало, как видно из текста Тацита, близ реки Хоба (современная Хоби или Хопи), километрах в 10 к северу от устья Риона.

насаждению рабовладельческого хозяйства. Сопротивление это выразилось, прежде всего, в развитии пиратства, ставшего для мореплавателей—греческих и римских купцов—настоящим бедствием и превратившегося в крупное социальное движение¹. Совершенно очевидно, что пиратство, достигшее огромных размеров во всем бассейне Средиземного моря, имело свои глубокие социально-экономические основы и на Черном море и фактически, очевидно, никогда не прекращалось, а лишь ослабевало или усиливалось, в зависимости от обстоятельств.

В начале II в. до н. э. в Малой Азии выступила на сцену новая крупная сила—Рим. Его политическое и экономическое влияние начало быстро распространяться на всю страну. По мере того, как отдельные области входили в состав Римского государства, из них образовались римские административные округа, пользовавшиеся на первых порах широкой автономией. Рим занимался, главным образом, укреплением общественных повинностей и давал широкие возможности для обогащения своим чиновникам и торговым дельцам. Постепенно вся Малая Азия становится ареной для наживы отдельных римских дельцов и финансовых обществ. Под давлением гнета римской эксплуатации пиратство, которое никогда не прекращалось, оживляется; глухие горные местности, населенные полунезависимыми и часто полудикими племенами, являлись прекрасным убежищем для пиратских банд, пополняемых теперь из городов потоком разоренных, дезертиров, проскрибированных и всяких неудачников. Особенно тяжелым бременем легли на Малую Азию начавшиеся в 49 г. до н. э. гражданские войны, когда помпеянцы, противники Цезаря, Антоний и Клеопатра, изнуряли страну высокими поборами, выжимая из населения все соки.

Полемон, получивший в 26 г. от Марка Антония земли Дейотара, покорил колхов и объединил под своей властью страны от Трапезунта до Танаиса. Наследовавшая ему жена Пифодорида продолжала управление Понтийским царством и, по словам Страбона (XII, 3, 29), была умелой и разумной правительницей. Можно предполагать, что с водворением в юго-восточном Причерноморье власти Полемонидов страна эта пользовалась сравнительным покоем и благополучием после бурной эпохи Митридата и гражданских войн. По словам Страбона, Понт в его времена был цветущей страной. Долины Ириса и Галиса были богаты роскошными фруктовыми садами (Strab., XII, 3, 30), а в долине Фермодонта, в районе Фемискиры, как и в Гадинитиде, простирающейся от устья Галиса до Сарамены, процветало, кроме того, и скотоводство. Промышленное рыболовство процветало по всему морскому побережью, и ловля тунцов и пеламид составляла важную отрасль хозяйства жителей Амастрии, Синопы, Фарнакии и Трапезунта (Aristot.—Hist. anim., VIII, 14, 13; Strab. VII, 6, 2, XII, 3, 11 и 19; Plin.—N. H., IX, 15, 47—52; Ael. a. n.—V. H., IV, 9; IX, 59; XV, 3, 5, 10). Строевой лес в изобилии давали Малая Армения (Strab. XII, 3, 31), горные области Париадра (XII, 3, 19) и Колхиды, поставлявшая также в большом количестве лен, пеньку, смолу, воск и фрукты (Strab. XI, 2, 17). Лесные массивы Париадра, Малой Армении и Колхиды были богаты пушным зверем и дичью, которой, главным образом, и питались обитавшие там народы (Strab. XII, 3, 18; XI, 5, 6). Но главное значение Париадра составляли его каменоломни и рудные залежи. Эксплуатация рудников, начавшаяся с глубокой древности, особенно усилилась в эпоху Митридата. Разработкой рудников занимались, главным образом,

¹ E. r. Z i e b a r t h—Beiträge zur Geschichte des Seeraubs und Seehandels im alten Griechenland, Hamburg, 1929, S. 31. Плиний (N. H., VI, 15) сообщает, что город Питиунт был разграблен энихаами. Свидетельство Страбона о разбойничьих племенах кавказского побережья уже приводилось.

жители Фарнакии (Strab. XII, 3, 19), которые, очевидно, при этом широко применяли эксплуатацию труда местных племен (халибов).

Все эти природные богатства страны, эксплуатация которых базировалась на широком применении рабского труда, обогащали прибрежные колониальные города, экспортировавшие через свои гавани ценное сырье и продукты своего хозяйства и импортировавшие художественную керамику, ткани, различные предметы роскоши, масло, вино¹. Греческое население городов составляли, в основном, ремесленники и купцы, в среду которых ко времени Страбона, несомненно, уже сильно просочился местный элемент.

Политическим центром царства Полемона был город Трапезунт с прилегающей и экономически ему подвластной территорией, охватывавшей морское побережье от устья Ириса до устья Фасида, и значительной, уходящей вглубь страны местностью. Во время войны Корбулона с парфянами Полемон оказывал Риму существенные услуги: через Трапезунт шли доставляемые по Черному морю транспорты провианта для снабжения армии Корбулона (Tac.—Ann., XIII, 69). В этой войне Понтийское царство проявило себя верным союзником Рима, служа плацдармом для развертывания военных операций римской армии. За это Полемон в числе других царей, владения которых граничили с Арменией, был вознагражден присоединением к его царству части Армении (Tac.—Ann., XIV, 26).

После заключения римлянами мира с Парфией в 63 г., когда оба государства получили возможность заниматься устройством своих дел, правительство Нерона перешло к мероприятиям, направленным к расширению и углублению римского влияния на севере и востоке. Это было тесно связано, с одной стороны, с развитием торговых интересов, а с другой — с ростом политической активности восточных варварских государств, особенно закавказских. В последние годы своего правления Нерон пытался осуществить план восточной экспедиции (Tac.—Hist., I, 6; Plin.—N. H., VI, 40). В 63 г. он превратил царство Полемона в римскую провинцию (Suet.—Nero, 18; Tac.—Hist., III, 47; Eutrop. VII, 14; Aug. Vict.—Epit., 5), в состав которой, очевидно, входили также Боспор, область энихов и Колхида (Jos.—B. J., II, 366). В связи с этим, Трапезунт превратился в военный укрепленный порт и приобрел особенно важное стратегическое значение, которое усилилось постройкой дороги военного значения до Саталы, впервые прорезавшей окружающие горы и связавшей берег Понта с долиной Евфрата².

Горные племена представляли враждебную Риму силу. Продвижение римского влияния влекло за собой разнообразные формы экономической эксплуатации: прямые налоги, сборы дани, тяжелые трудовые повинности, покровительство торговой деятельности греческих и римских купцов, организацию римских военных колоний, лишение местного населения земель и насаждение рабовладельческого хозяйства. Такого рода взаимоотношения между туземцами и колонизаторами создавали постоянно углубляющиеся противоречия. Отсюда — непрерывный рост сопротивления колонизаторам со стороны туземцев, к которым присоединялись недовольные элементы из городов и беглые рабы.

В начальный период колонизации уровень социально-экономического развития и боевой мощи колонизаторов значительно превышал уровень развития туземного населения. Но в отдельных варварских обществах Закавказья зарождались классовые отношения, постепенно подрывавшие

¹ Th. Reinach—Mithridate Eupator, roi du Pont, Paris, 1890, p. 227.

² Fr. Cumont—Voyage d'exploration archéologique dans le Pont et la Petite Arménie (Studia Pontica), Bruxelles, 1906, p. 364.

основы дальнейшей экспансии Рима. В то же время римская экспансия, политическая и экономическая, в свою очередь, являлась одним из факторов, влиявшим на ускорение социально-экономического процесса, на зарождение и обострение противоречий внутри самих варварских обществ вследствие усложнения хозяйственной жизни туземцев, развития товарообмена. Результатом этого явился рост активности местного населения, направленной к организации сопротивления, которое выразилось в создании значительных племенных союзов и в усилении разбоев. Таким образом в середине второй половины I в. н. э. развивающаяся римская экспансия наталкивается уже на серьезные затруднения в юго-восточном Причерноморье. Для преодоления их римлянам приходится строить ряд крепостей в областях, управляемых находящимися под их протекторатом властителями¹, для обеспечения безопасности своих границ, торговой деятельности купцов, удобства своих военных операций, приходится ставить гарнизоны в крепостях, на которые можно было бы опираться при сборе дани среди полунезависимых народов.

Восстание Аникета является и актом стихийного протеста местных племен против политической и экономической экспансии Рима. Веспасиан использовал восточные провинции как опорную базу для мобилизации всех сил и средств в войне за овладение Римом. Вителлий же, провозглашенный германскими легионами римским императором и никогда не появлявшийся на Востоке, не мог быть здесь столь одиозным. Поэтому имя его, как политического противника Веспасиана, и послужило лозунгом восстания.

Восстание Аникета интересно тем, что при некоторых различиях в обстоятельствах, с ним связанных, оно является частью общего движения, связанного с кризисом 68—69 гг. Движение это развивалось по двум линиям: выступления в разных частях империи и при разных обстоятельствах масс населения провинций и движения среди войск.

При всей ограниченности источников и неясности целей вождя восстания несомненно, что в движении Виндекса в Галлии, которое было началом всех дальнейших трагических событий, принимала участие галльская знать (J o s.—В. J., 4, 8, 1). Причиной этого движения была невыносимая экономическая эксплуатация (P l u t.—Galba, 4; S u e t.—Nero, 40; T a c.—Hist. I, 6, 8, 51), путь к избавлению от которой видели в устранении Нерона. Очень важно отметить, что движение это, затихшее со смертью Виндекса, возродилось в совершенно иной форме—на религиозной почве—под руководством Марикка (T a c.—Hist., II, 61) и свелось к стихийным грабегам населенных пунктов. Позже движение в Галлии возобновилось под руководством Цивилиса, стремившегося к отделению Галлии от Рима и основанию «галльской империи», вернее, галльской родоплеменной федерации, которая должна была противостоять распространению господства Рима и свергнуть это господство (T a c.—Hist., IV, 54—79; V, 14—26). В движении галлов нельзя усмотреть определенной цели, так как среди них самих не было еще достаточно тесного единения: интересы состоявшей на службе у Рима знати и народных масс сильно расходились. Движение носило стихийный характер и не прекращалось потому, что вызывавшие его причины не устранялись, а углублялись. Что же касается лозунга, брошенного Виндексом—устранение Нерона, уничтожение эксплуатации и беззаконий,—то он нашел живой отклик среди испанской знати, поддержанной массами и испанскими легионами, выдвинувшими Гальбу. Провозглашение Вителлия германскими

¹ См. греческую надпись из Мцхета 75 г. н. э., сообщающую о постройке Веспасианом крепости царю иберов Митридату.

легионами также встретило сочувствие местного населения и некоторых местных племенных вождей, состоявших на службе у Рима (Т а с.—Hist., I, 57, 59).

В этой же связи следует рассматривать движение мавров в Африке, провозгласивших своим царем прокуратора Лукция Альбина (Т а с.—Hist., II, 58), и движение среди бриттов, где боролись две партии: местная знать, пользовавшаяся поддержкой Рима и выдвигавшая Картисмандую, и народная партия, руководимая Венутием (Т а с.—Hist., III, 45). Наконец, имевшие место среди племен роксолан (Т а с.—Hist., I, 79) и даков (Т а с.—Hist., III, 46) движения, вылившиеся в грабежи и нападения на границы римских провинций и на зимние лагеря когорт, говорят о том, что среди варваров подготовлялось наступление на границы империи.

Все эти факты из истории движения 68—69 гг. свидетельствуют прежде всего о том, что движение это было очень сложным социальным явлением и отражало противоречия, которые назрели к середине I в. н. э. не только в Италии, но и в римских провинциях. Главную роль здесь играло то обстоятельство, что население римских провинций, в результате происшедших в его среде социально-экономических сдвигов, перестало быть пассивным объектом римской политики и вступало на путь активной борьбы за свои социальные и политические права.

